

ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ И ТИПОЛОГИИ

Анатолий Ямсков

Академическая наука, журналисты и политики солидарны в том, что среди всего многообразия современных социально-политических конфликтов безусловно выделяются обладающие весьма специфическими чертами "этнические конфликты", которые составляют особую категорию конфликтов. Подобные же представления в целом типичны и для общественного мнения в постсоветских государствах. Вместе с тем как в России, так и за рубежом фактически отсутствуют единые и общепринятые определения и классификации (типологии) этнических конфликтов. Следовательно, назрела явная необходимость сконцентрировать внимание исследователей и на таких формальных аспектах изучения этноконфликтологической проблематики, как вопросы дефиниций, классификаций и типологий. В противном случае поиск "общего языка" в этой крайне актуальной и сложной сфере будет отнимать все больше времени и сил, отодвигая тем самым действительно кардинальные проблемы понимания причин и нахождения путей к урегулированию этнических конфликтов.

Предлагаемая работа, в основу которой лёг опыт предшествовавших исследований конкретных этнических конфликтов, в первую очередь в Нагорном Карабахе [Ямсков, 1991b; Yamskov, 1996], представляет собой попытку изложения ряда общих соображений и выводов в указанной области, отойдя на время от уже весьма многочисленных описаний конкретных примеров или от поисков выхода из реальных конфликтных ситуаций.

Вероятно, самой обобщенной и общеприемлемой характеристикой этнических конфликтов является то, что во всех подобных случаях действующие стороны, представленные этническими

("национальными") движениями, политическими партиями и местными либо центральными /федеральными/ государственными органами, оценивают ситуацию как конфликт между народами или этническими (суб-этническими, этно-конфессиональными, этно-территориальными, этно-сословными и т.п.) группами либо как конфликт народа /этнической группы/, находящегося в положении этнического меньшинства, с государственными институтами, выражающими культурно-языковые, социально-экономические или политические интересы доминирующего этнического большинства населения страны.

Однако приведенное выше описание, или характеристика, этнического конфликта оказывается столь общей, что не может служить в качестве операционального определения. Строгое научное определение, или дефиниция, этого социального феномена должно давать четкое понимание того, что является этническим конфликтом, а что - нет. Дефиниция такого сложного и поливариантного социально-политического явления, как этнический конфликт, является абсолютно необходимым предварительным условием для решения многих теоретических и практических задач. Среди последних можно назвать, например: (1) построение классификаций и типологий этнических конфликтов; (2) определение числа этнических конфликтов в стране или в регионе; (3) формулирование стратегии выхода из конфликтной ситуации либо перевода этнического конфликта в политически приемлемую форму; (4) определение круга экспертов, подготовка которых действительно соответствует задачам изучения и практического воздействия на конфликт; (5) формирование в общественном сознании адекватных представлений о реальной роли этничности и этнических конфликтов в современных политических процессах в стране.

Можно предложить следующее развернутое и достаточно операциональное определение.

Этнический конфликт - это динамично меняющаяся социально-политическая ситуация, порожденная неприятием ранее сложившегося "статус кво" существенной частью представителей одной (нескольких) из местных этнических групп и проявляющаяся в виде хотя бы одного из таких действий членов данной группы, как:

(а) начавшаяся этно-избирательная эмиграция из региона, определяемая общественным мнением данной группы как "исход", "массовое переселение" и т.п., существенно изменяющие местный этно-демографический баланс в пользу "других" остающихся этнических групп;

(б) создание политической организации ("национального" или "культурного" движения, партии), декларирующей необходимость изменения данного положения в интересах указанной этнической группы (групп) и тем самым провоцирующей ответное противодействие органов государственной власти и/или политическую мобилизацию другой (других) местной этнической группы в защиту существующего "статус кво", вполне удовлетворяющего последних;

(в) спонтанные (не подготовленные легально действующими организациями) акции протеста против ущемления своих интересов со стороны представителей другой (других) местной этнической группы и/или органов государственной власти в виде массовых митингов, шествий, погромов.

В основе предложенной дефиниции лежит свойственное социальной психологии определение конфликтных вариантов межгрупповых отношений как выбора в континууме от стремления к "мобильности" до "изменения" социальной ситуации, в свою очередь восходящее к общепризнанным среди психологов проявлениям межличностных конфликтов как реакций в спектре от "ухода" /exit/ до "протеста" /voice/ [Tajfel, 1981: 288-289].

Таким образом, об этническом конфликте как реальном феномене политического процесса можно говорить чаще всего тогда, когда организационно оформляется и приобретает определенное влияние национальное движение или партия, ставящие своей целью обеспечение "национальных интересов" определенного народа и для достижения этой цели стремящиеся изменить существовавшее и прежде бывшее терпимым либо привычным положение в культурно-языковой, социально-экономической или политической сферах жизни. Этнический конфликт всегда представляет собой явление политическое, ибо даже если инициаторы перемен стремятся к изменению ситуации только в культурно-языковой или социально-экономической областях, они могут достичь своих целей лишь путем обретения определенных властных полномочий, достаточных для осуществления подобных изменений. Под властными полномочиями, к перераспределению которых всегда стремятся участники этнических конфликтов, понимается "... совокупность социальных позиций, позволяющих одной группе людей распоряжаться деятельностью других групп людей. Именно здесь заложен центральный конфликт в любой системе общественных отношений" [Здравомыслов, 1993: 15].

При подобном подходе к категории этнических конфликтов не относятся ни негативные стереотипы взаимного восприятия

контактирующими этническими группами друг друга, ни противостояние или война между (квази)государственными структурами (типа споров между федеральными и республиканскими органами власти в России или войны между НКР и Азербайджаном в 1993-1994 г.г.), если только они не сопровождаются указанными выше типичными проявлениями собственно этнических конфликтов. Показательна в этом случае аналогия с социально-классовыми конфликтами: к ним ведь тоже не относят ни высказываемое большинством наемных работников недовольство окладами, ни гражданские войны. Однако социально-классовые конфликты явно налицо в случаях массовых самовольных увольнений работников и их перехода к другим работодателям, или же действий профсоюзов по организации забастовок и переговоров с работодателями о пересмотре тарифов оплаты труда или норм выработки.

Из приведенного выше определения также следует, что к этническим конфликтам относятся конфликты типа "группа"- "группа" и "группа"- "государство" в тех случаях, когда, в восприятии хотя бы одной из сторон, определяющей характеристикой противостоящей стороны служит этничность (например, в начале 1990-ых г.г.: "грузинское государство" с точки зрения абхазов и их союзников из числа части армян и русских Абхазии; "армяне" с точки зрения общественности Азербайджана, состоящей из азербайджанцев, татов, талышей).

В русле предлагаемого подхода можно предложить ряд классификаций этнических конфликтов. Кстати, "классификаций", или группировок конфликтных ситуаций по количественным и/или качественным градациям одной из их характеристик, признаваемой существенной и тем самым выбираемой в качестве основания для классификации, может быть множество.

Во-первых, самой общей классификацией служит деление этнических конфликтов на два класса по особенностям противостоящих сторон:

1. конфликты между этнической группой (группами) и государством [примеры - события в Абхазии или Нагорном Карабахе до создания там самопровозглашенных и де-факто независимых государств при полном вытеснении из местных органов власти соответственно грузин и азербайджанцев];

2. конфликты между этническими группами (между ассоциациями групп) [примеры - события в Фергане (погромы турок-месхетинцев узбеками) или в Опской области (столкновения киргизов и узбеков), действия и агитация казачьих организаций против иммигрантов-"кавказцев" на Кубани].

Во-вторых, возможна классификация этнических конфликтов по приоритетным целям, сформулированным организациями одной из сторон, а следовательно - и по возможным последствиям для полиэтнического социума, в котором развиваются такого рода этнические конфликты.

1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ - на основе требований выравнивания уровня жизни, социально-профессионального состава и представительства в элитных слоях (со стороны представителей "отстающих" этнических групп) либо прекращения льгот, субсидий и экономической помощи "другим" (со стороны членов "лидирующих" групп). [Компромиссное решение возможно за счет перераспределения власти и экономических ресурсов при сохранении исходного общества.]

2. КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ - на основе требований разрешить и оказать содействие усилиям по сохранению или возрождению функций языка и культуры этнического меньшинства в частной жизни (этно-культурная автономия) или в общественной жизни (этно-культурная и этно-территориальная автономии). [Компромиссное решение возможно за счет изменения культурно-языковой политики при сохранении исходного общества, в ряде случаев вынужденного идти на признание территориальных автономий этнических меньшинств.]

3. ТЕРРИТОРИАЛЬНО-СТАТУСНЫЕ КОНФЛИКТЫ - на основе требований изменить границы, формальный статус и объем реальных властных полномочий этно-территориальных автономий. [Компромиссное решение возможно за счет изменения системы государственного устройства путем серьезного перераспределения властных полномочий от Центрального правительства к органам управления этно-территориальными автономиями при сохранении исходного полиэтнического общества в трансформированном виде.]

4. СЕПАРАТИСТСКО-ИРРЕДЕНТИСТСКИЕ КОНФЛИКТЫ - на основе требований этнических меньшинств создать собственную независимую государственность или же воссоединиться с соседним "материнским" или "родственным", с культурно-исторической точки зрения, государством. [Компромиссное решение в принципе невозможно; конфликт может быть либо подавлен силой, либо же он в итоге приведет к разрушению исходного полиэтнического общества путем его распада на два новых общества либо трансформации в принципиально иной социум после эмиграции /депортации/ конфликтогенного меньшинства.]

Стоит отметить, что подобное выделение четырех основных классов этнических конфликтов [см.: Ямсков, 1991a: 82; Yamskov, 1991: 636] практически совпадает с одной из классификаций Джона Коклея, дифференцировавшего требования представителей этнических общин, которые порождают конфликтные ситуации, на четыре группы [Coakley, 1993: 6-7]:

- требования гражданского равноправия (от прав гражданства до равноправного социального статуса и экономического положения);
- требования прав на культуру (от символического использования родного языка на дорожных указателях и вывесках до языковой политики, признающей использование языка этнического меньшинства в суде, в государственных учреждениях и в школьном и университетском образовании);
- требования институционализированных политических прав (от символических элементов автономии местных органов власти и символического представительства в государственных органах управления до полномасштабного конфедерализма и консоциатинализма);
- требования прав на сецессию, включая изменения границ, создание новых государств или присоединения к другому государству.

Показательно, что во многих других исследованиях западных авторов, прямо посвященных этническим конфликтам и выносящих эту тематику в заголовки, собственно классификации или типологии конфликтов не уделяется никакого внимания. При этом отмечается, что этническая мобилизация и конфликты являются прямым следствием растущей этнической конкуренции, а последняя, в свою очередь, оказывается типичным и неизбежным продуктом социально-экономической модернизации полиэтнического общества [Olzak, Nagel, 1986: 2-4]. В другом обобщающем исследовании автор также видит причины этнических конфликтов в том, что экономическое развитие полиэтнического общества приводит к возникновению совпадений между социально-экономической стратификацией и этническими границами, и тогда группы, воспринимающие себя в качестве "отсталых", а также группы, чей прежде высокий статус оказался под угрозой выравнивания, инициируют этнический конфликт как следствие своей политической мобилизации для защиты своих интересов [Rothschild, 1981: 38-39]. Стоит привести и такое заключение: главной, но все еще далекой от удовлетворительного решения, проблемой для ученого и политика является то, каким образом и почему представители ряда этнических меньшинств обретают чувство со-

лидарности с полиэтническим обществом своей страны и ощущают себя частью этого общества,

С. 210

а в других случаях - начинают во все большей степени противопоставлять свои интересы интересам других этнических групп населения, психологически все более отдаляясь от общества страны проживания и, в итоге, отказываются считать себя частью этого полиэтнического общества [Yinger, 1986: 40-41].

Не претендуя на обзор зарубежных исследований по классификации и типологии этнических конфликтов, приведу в заключение взгляды одного из ведущих специалистов - Дональда Хоровитца. Он выделяет четыре класса этнических конфликтов по специфике соотношения относительных уровней экономического развития и социальной модернизированности (оппозиция "отсталый"- "развитой") /потенциально/ сепаратистских регионов и этнических групп в сравнении со средними для государства в целом и для доминирующего этнического большинства его населения в частности [подробнее см.: Horowitz, 1985: 234-236]:

- сепаратизм "отсталой" этнической группы, проживающей в "отсталом" регионе страны (По мнению Д.Хоровитца, это - наиболее распространенный вариант; применительно к России частые сентенции о том, что многие республики РФ "живут на дотациях", должны восприниматься как констатация максимальной вероятности этно-сепаратизма именно в этих республиках, а отнюдь не как преобладающая в стране ложная уверенность, чтобудто бы в силу этих дотаций население таких республик не может быть серьезно подвержено этно-сепаратистским настроениям.);

- сепаратизм "отсталой" этнической группы, проживающей в "развитом" регионе страны;

- сепаратизм "развитой" этнической группы, проживающей в "отсталом" регионе страны;

- сепаратизм "развитой" этнической группы, проживающей в "развитом" регионе страны.

В отличие от классификаций, *ТИПОЛОГИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ* предполагает построение иерархической модели, на каждом из таксономических уровней которой меняется основание /параметр/ типологизации, от наиболее значимых и общих на верхнем уровне до частных и второстепенных на нижних уровнях. В зависимости от исследовательских задач (и, следовательно, от выбора параметров типологизации) может быть построено

несколько типологических схем для одного класса явлений, в том числе и для этнических конфликтов.

В качестве возможного примера рассмотрим следующие типологические схемы, приведённые в табл. 21 и 22.

С. 211

На первоначальном этапе типологизация проводится по тому, как и в какой форме отражаются в общественном сознании (а следовательно, - и выступают в качестве основы для мобилизации) населения ведущие причины и поводы для конфликта или противоречия интересов различных групп.

Предлагаемая типология этнических конфликтов основана на параметрах, характеризующих процессы и формы протекания /развития/ конфликтов, а следовательно, - и их потенциально возможный исход.

Остановимся на формах протекания этнических конфликтов. Возникшее и стремящееся к изменению существующего положения вещей этно-национальное движение прежде всего встречает противодействие со стороны официальных государственных институтов, выражающих и по инерции продолжающих первое время поддерживать "статус кво", сложившееся до начала конфликта. Но затем, рано или поздно, неизбежно оформляется ответное этно-национальное движение народа, чьи интересы, реально либо мнимо, пытаются нарушить инициаторы перемен. Мобилизация сторонников на основе имеющих явную этническую /этно-национальную/ окраску лозунгов и призывов для достижения конкретных политических результатов составляет одну из характерных черт этнического конфликта.

Другой отличительной чертой такого рода конфликтов, во многом предопределяющей специфику их развития, является то, что хотя бы одна из соперничающих сторон опирается в своих действиях только на общественные структуры /партии, движения/, то есть на самоорганизовавшихся граждан, или на социальную группу в точном значении этого термина.

Если в целом согласиться с подобным пониманием этнического конфликта, то необходимо отграничить данный феномен от, с одной стороны, негативных стереотипов взаимного восприятия контактирующих народов (которые могут сохраняться достаточно долго, но тем не менее не сказываться на политических процессах, особенно в тоталитарных обществах), а с другой стороны - от межгосударственных конфликтов, даже если последние возникли на почве несовпадения национальных интересов либо трактуются их участниками как таковые, или если одно из государственных образований не признанно мировым сообществом в качестве суверенного и независимого государства.

Начало этнического конфликта можно связать с выходом на политическую арену этно-национального движения или партии,

С. 212

Таблица 21

Место этнических конфликтов в ряду социальных (групповых внутригосударственных) конфликтных ситуаций

Тип	Социальные (групповые внутригосударственные) конфликты		
Подтип (основа для мобилизации группы)	Этнические конфликты	Социально-классовые конфликты	Политико-идеологические конфликты

Таблица 22

Типология этнических конфликтов

Подтип	Этнические конфликты						
Вариант	Долговременные (потенциально стабильные)				Кратковременные (самоуничтожающиеся)		
Вид	Ненасильственные		Насильственные		Ненасильственные	Насильственные	
Подвид (формы проявления)	Легальные партии, движения, клубы	Стихийные шествия, митинги	Погромы и массовые беспорядки	Террор и/или геррилья	Эмиграция	Депортация	Геноцид

С. 213

деятельность которых провоцирует политическое противодействие либо этно-избирательные миграции населения. Гораздо сложнее провести точную границу между ним и межгосударственным конфликтом. Видимо, межгосударственным можно считать конфликт в тех случаях, когда противоборствующими сторонами выступают государственные

образования (даже непризнанные де-юре), использующие для достижения своих целей собственные государства институты (официальные средства массовой информации, вооруженные силы и органы внутренней безопасности). Перерастание этнического конфликта в межгосударственный сопровождается качественным ростом организованности обеих сторон, в частности заменой агитации на регулируемую государством официальную пропаганду, переходом от малоуправляемых военизированных формирований добровольцев к постоянным вооруженным силам и т.п. Понятно, что эти фундаментальные изменения не требуют неопременного юридического признания международным сообществом самоорганизовавшихся государств типа Приднестровской или Нагорно-Карабахской республик. Кроме того, определяющей чертой трансформации этнического конфликта в межгосударственный становится переход от добровольной к зачастую принудительной мобилизации в ряды защитников "национальных интересов".

Этнический конфликт как феномен политического процесса может в принципе протекать в ненасильственной форме и привести к новому балансу властных полномочий соперничавших сторон как компромиссному результату легальной политической борьбы. Следовательно, никак нельзя отождествлять этнические конфликты с такими их нередкими трагическими порождениями, как столкновения сторон с применением насилия и человеческими жертвами. Этнические конфликты и столкновения - явления разного порядка, не всегда сопутствующие друг другу. В частности, широко известен давно уже сотрясающий Канаду конфликт англоязычного большинства населения и преимущественно франкоязычного Квебека, но пока массового насилия удавалось избежать и этнический конфликт протекал в рамках политической борьбы соответствующих партий, движений, федеральных и провинциальных органов власти друг с другом. Иными словами, если этнический конфликт всегда сопровождается негативными стереотипами взаимного восприятия соперничающих народов, то сами по себе эти стереотипы не всегда приводят к зарождению конфликтной ситуации (хотя и существенно облегчают этот процесс). Точно так же столкновения с применением насилия очень часто (в условиях

С. 214

постсоветских государств практически всегда) сопровождают этнические конфликты, но при этом не являются фатально неизбежными их результатами или стадиями развития.

Прямым поводом для межэтнических столкновений с применением насилия и жертвами могут служить как случайные, так и вытекающие из логики развития конфликта события, но в любом случае они являются лишь "спусковым крючком" трагедии. Подлинные

причины этнического конфликта, в том числе сопровождающегося столкновениями и кровопролитием, лежат глубже. Иногда соперничающие стороны даже не особо их афишируют в лозунгах и требованиях, поскольку последние всегда подгоняются под текущую политическую конъюнктуру с ее приоритетами и официально признанными проблемами данной страны.

Предпосылки этнических конфликтов достаточно многообразны и в латентном состоянии присутствуют, вероятно, в любом полиэтничном обществе. Именно представители интеллигенции, как правило, первыми осознают их существование и воспринимают это как несправедливое ущемление национальных интересов своего народа. Начало деятельности этно-национальных движений и партий, а следовательно и зарождение этнических конфликтов, как раз и характеризуется активной пропагандой фактов наличия подобных предпосылок. При этом такого рода предпосылки трактуются как результаты целенаправленной деятельности другого народа или выражающих его интересы государственных институтов. Именно объективизация существовавших и ранее предпосылок в общественном сознании значительной части народа превращает эти предпосылки в действительные причины этнического конфликта и тем самым делает последний реальностью. Указанное различие предпосылок этнического конфликта и его действующих причин практически полностью соответствует положению известного британского социолога Энтони Гидденса о том, что существующие противоречия социальных интересов в случае их осознания людьми и проецирования в сферу политических процессов порождают конфликтную ситуацию [подробнее см.: Здравомыслов, 1993: 14].

Среди многообразия предпосылок этнических конфликтов, выступивших в качестве причин развития реальных конфликтных ситуаций в СССР и в постсоветских государствах, можно выделить следующие:

1. социально-экономические (неравенство в уровне жизни, различное представительство в престижных профессиях, социальных слоях или органах власти);

С. 215

2. культурно-языковые (недостаточное, с точки зрения представителей этнического меньшинства, использование его языка и культурных символов в общественной жизни);

3. этно-демографические (сравнительно быстрое изменение соотношения численности контактирующих народов вследствие миграционных процессов и различий в уровне естественного прироста);

4. экологические (ухудшение качества окружающей среды и используемых природных ресурсов в результате их загрязнения либо истощения вследствие использования представителями иной этнической группы либо государством, ассоциируемым с другим народом);

5. этно-территориальные (несовпадение государственных или административных границ с границами расселения народов);

6. исторические (прошлое взаимоотношение народов - войны, бывшие отношения политического господства-подчинения, депортации и связанные с ними негативные аспекты исторической памяти);

7. конфессиональные (включая различия в уровне современной религиозности населения);

8. культурные (то есть культурные различия в широком смысле слова, от особенностей бытового поведения до специфики политической культуры).

Анализ конкретной роли большинства названных предпосылок на примере межэтнических конфликтов в республиках Закавказья в конце 1980-ых гг. был представлен в отдельной статье автора [см.: Ямсков, 1991a].

Как уже указывалось выше, основным содержанием начинающегося этнического конфликта является стремление идеологов и создателей этно-национального движения изменить существующую в данный момент ситуацию с целью обеспечения более справедливого, с их точки зрения, учета национальных интересов соответствующего народа или этнической группы. Таким образом, эти силы выступают в роли инициаторов этнического конфликта. Безусловно, нельзя принимать подобную дефиницию одной из сторон конфликта как "инициатора" в качестве негативного либо осуждающего определения - стремление к переменам зачастую бывает совершенно оправданным и справедливым в силу реально сложившегося на определенный момент времени ущемления интересов данной этнической группы.

Подобные стремления к изменениям, как правило, отражают постепенно накапливавшиеся реальные социальные сдвиги в полиэтнических обществах, например, изменение социально-классовой

С. 216

структуры народов, появление достаточно многочисленной и влиятельной национальной интеллигенции и тому подобные результаты социо-культурной модернизации. Но в любом обществе социально-экономическое развитие и культурная трансформация протекают неравномерно в территориальном и социальном плане, что закономерно порождает конфлик-

ты интересов региональных или социально-классовых групп и необходимость постоянного поиска нового баланса властных полномочий представителей этих групп. В полиэтнических обществах эти процессы неравномерного развития столь же закономерно приобретают определенную этническую окраску, поскольку разные народы населяют различные территории и имеют разное представительство в социально-классовых слоях общества. Таким образом, этнические конфликты можно считать практически неизбежным следствием самого факта существования и развития полиэтнического общества.

Действующие силы в этнических конфликтах представлены, как уже говорилось выше, этно-национальными движениями и партиями с националистической идеологией. Однако сложность феномена этничности накладывает большой отпечаток на характер и состав тех сил, которые выступают политической основой этих движений и партий [см. также: Ямсков, 1994].

Этнические аспекты в политической деятельности партий и движений подобного рода проявляются в том, что в качестве противостоящей стороны воспринимается другой народ или этническая группа. Этничность сама по себе основана на противопоставлении "мы"- "они", осознаваемом в плане культурных, в широком смысле этого понятия, различий. Это противопоставление в полной мере сохраняется и даже существенно усиливается в ситуации этнического конфликта, когда именно противостоящая сторона получает четкую атрибуцию носителей другой этнической культуры и системы ценностей - враждебной и стремящейся к доминированию или насильственной ассимиляции либо как минимум игнорирующей законные и справедливые национальные интересы. Именно политические противники, то есть "они", наделяются однозначной этнической характеристикой, и потому борьба с ними воспринимается как борьба с конкретными носителями чуждой культуры и чужих национальных интересов. Подобный подход, кстати, вовсе не препятствует тому, чтобы "мы" в этническом конфликте выступали как собирательный образ или политический союз нескольких этнических групп, национальным интересам которых в равной мере угрожают действия либо намерения противника. Что же касается

С. 217

собственно национальных интересов, то в подобном контексте в качестве единственно операциональной рабочей гипотезы стоит считать таковыми все те интересы, которые осознаются участниками этно-национальных движений и партий как национальные (сходным образом определяет содержание "национального вопроса", например, С.В.Чешко, см.: Чешко, 1993: 93).

Имеет смысл пояснить сказанное на нескольких примерах. Так, этнический конфликт в Приднестровье осознавался как борьба против "румынизации", и потому это не мешало объединиться русским, украинцам и молдаванам Приднестровья, которых поддерживали и гагаузы. Аналогичным образом конфликт в Абхазии разгорался под знаменем противодействия абхазов, армян, русских и поддержавших их родственников абхамам в культурно-языковом отношении народов Северного Кавказа попыткам "грузинификации" этой автономной республики. В Северной Осетии конфликт по поводу Пригородного района проходил под лозунгом недопущения ингушского доминирования на этой территории, что объединило местных осетин и русских казаков. О полиэтническом составе лидеров и активистов движений русскоязычного населения в Прибалтике известно всем, тем не менее они воспринимаются как защитники интересов "русской общины".

Однако полиэтнический состав обеих сторон в этнических конфликтах отнюдь не опровергает того, что эти конфликты действительно развиваются на этнической почве и потому именно имеющие этнический характер лозунги и требования определяют их специфику. Просто, как стоит вновь повторить, этничность выступает в первую очередь как характеристика противника, и в гораздо меньшей мере, особенно на поздних стадиях развития конфликта, как основа для мобилизации сторонников и организации противодействия. Последнее вполне понятно, ибо как политический феномен этнический конфликт тоже предполагает поиск и нахождение союзников каждой из сторон, стремящихся к осуществлению своих целей.

УРЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА, в подлинном значении этого понятия, подразумевает нахождение нового, компромиссного и приемлемого для всех основных политических сил баланса властных полномочий в том полиэтническом обществе, где этот конфликт возник и развивался в форме политической борьбы. Подобное реальное урегулирование конфликта означает практически полное выпеснение этнической /этно-национальной/ проблематики из политической жизни полиэтнического общества, поскольку для ее сохранения уже не остается более оснований.

С. 218

Последнее уточнение весьма важно, поскольку в случае определения этнополитической ситуации как неконфликтной речь идет именно о сфере публичной политики, то есть о действиях влиятельных лидеров и организаций и/или об относительно массовых этно-избирательных реакциях населения. Разумеется, в большинстве случаев среди сторонников какой-либо этно-национальной идеи и борьбы за удовлетворение прав своей этнической

группы обычно встречаются лица, представляющие всю возможную гамму требований и лозунгов защиты интересов этого народа - от поддержки культурных мероприятий и расширения общественных функций родного языка или выравнивания социально-экономического положения членов группы до повышения властных полномочий местных "этно-национальных" органов власти республики либо ее выхода из состава Российской Федерации. Однако специфика этнического конфликта в таком случае определяется именно взглядами политически наиболее влиятельных организаций и лидеров, имеющих реальных и массовых сторонников, а не идеями отдельных радикалов, о которых большинство их соплеменников даже не слышало либо не считает нужным поддерживать.

В полном смысле слова урегулирование практически возможно только в случае конфликтов по культурно-языковым поводам, да и то лишь при том условии, что требования со стороны, как правило, этнического меньшинства признать его права на более широкое, чем прежде, использование своего языка и культурных символов в общественных местах не вызывают резкого неприятия у большинства представителей местного этнического большинства. Подобного рода конфликты чаще всего зарождаются либо в процессе политической трансформации общества, где прежде существовала некоторая фактическая культурно-языковая дискриминация, либо в результате быстрой и существенной модернизации и урбанизации прежде преимущественно аграрного и социально маргинального этнического меньшинства. Однако такого рода принципиальные изменения всего полиэтнического общества или случаи успешного социально-экономического развития прежде отсталых периферийных районов расселения меньшинств в современном мире встречаются нечасто.

Уже в случае конфликтов вокруг требований социально-экономического характера, при теоретически существующей возможности их урегулирования, вероятные материальные затраты обычно бывают столь велики, что делают урегулирование практически недостижимым. В случае России речь идет о практической

С. 219

невозможности добиться резкого повышения уровня экономического развития ряда социально неблагополучных республик. Впрочем, весь мир еще не нашел реально действующих и приемлемых по необходимым затратам рецептов форсированной социальной модернизации и экономического развития бедных регионов или государств, в противном случае давно бы были решены весьма острые и политически взрывоопасные проблемы Юга Италии, менее развитых средиземноморских стран Европейского Сообщества (Португалия, Греция), или же государств Третьего Мира. В СССР, кстати, также не удалось выровнять

уровни экономического развития (и уровни жизни основной части населения) в Средней Азии и в Европейской части государства. Нет оснований полагать, что в России удастся в обозримой перспективе довести уровень доходов жителей Дагестана или Тувы до среднего по стране, тем самым сняв их недовольство своим уровнем жизни.

Тем не менее стоит подчеркнуть, что конфликты по поводу культурно-языковых или социально-экономических требований теоретически могут быть урегулированы. В случае урегулирования полиэтничное общество полностью преодолевает наметившийся социальный и политический раскол по линиям этнических размежеваний, тем самым выходя из ситуации этнического конфликта еще более интегрированным и устойчивым, чем оно было до начала конфликта. Иными словами, в случае своего урегулирования, этнические конфликты такого рода даже способствуют укреплению единства полиэтничного общества, в котором они зародились.

Территориально-статусные конфликты также в принципе могут быть урегулированы, но на практике подобное встречается крайне редко. Пожалуй, в постсоветских государствах можно назвать лишь один успешный опыт - создание Гагаузской Республики, то есть гагаузской автономной территории в составе Молдавии. В Европе успехов в этом плане несколько больше - достаточно вспомнить имевшие место в послевоенные годы выделение нового кантона Юра в Швейцарии, создание автономных Фландрии и Валлонии в Бельгии, или успех в деле разрядки каталонско-кастильского конфликта в Испании после наделения Каталонии обширными автономными правами.

Тем не менее подобного рода урегулирование приносит с собой существенную трансформацию исходного общества - оно, уже по самому своему определению, создает либо укрепляет территориальное или иное институциональное выделение этнических меньшинств, или же укрепляет характер их выделения в рамках

С. 220

полиэтничного общества. Таким образом, неизбежно создаются правовые и иные основы для потенциально возможной эволюции политических организаций этих частично выделившихся меньшинства в сторону этно-сепаратизма. Впрочем, после разрядки трений и урегулирования конфликта, отнюдь не закрыта дорога и для политических и социокультурных процессов, ведущих в противоположном направлении - в сторону все большей интегрированности институционально и территориально выделившихся меньшинств в национальное общество. Для подтверждения реальности последней альтернативы специалисты обычно подчеркивают, что само наличие определенных институциональных гарантий и

территориальной автономии у этнического меньшинства снимает у составляющих эту группу людей опасения своей насильственной ассимиляции и дает им гарантию невозможности на данной территории полного политического и культурного доминирования большинства населения государства. Тем самым это лишает этно-радикалов из их числа главных аргументов в борьбе за дальнейшее отграничение (обычно - вплоть до окончательного самоопределения в собственном независимом государстве) этой группы от исходного полиэтнического общества.

В реальной жизни, однако, гораздо чаще встречается **нейтрализация этнического конфликта**, а не его урегулирование. Обычно это означает факт надежного перевода этнического конфликта в рамки легальной политической борьбы между соответствующими партиями и движениями при гарантированной невозможности насильственных действий любой из сторон, а также при наличии обоснованных расчетов на то, что этно-сепаратисты в конечном счете не смогут набрать решающего большинства в свою поддержку. Такая политическая борьба, то есть по сути консервация этнического конфликта, может в вялой форме протекать десятилетиями, как, например, деятельность шотландских или квебекских сепаратистов, не сопровождаясь межэтническими столкновениями. Тем не менее при этом остается опасность, что в случае неожиданных кардинальных изменений условий жизни (типа резкого экономического спада, экологической катастрофы и т.п.) дальнейшее развитие конфликта может выйти за законные рамки, поскольку продолжают сохраняться этнонационалистические партии и, в их рядах, экстремистски настроенные деятели. Кроме того, пример Квебека доказывает, что популярность этно-сепаратизма может постепенно возрастать и в экономически достаточно благополучные периоды истории

С. 221

полиэтнического общества, постепенно превращаясь в реальную угрозу территориальной целостности и национальному единству государства.

Все же нейтрализация, или перевод этнического конфликта в политически приемлемую форму протекания, встречается достаточно часто. Поскольку подобный вариант также устраняет угрозы массового насилия, распада государства с полиэтническим населением или масштабных этно-избирательных миграций беженцев либо депортаций по этническому признаку, то стратегию действий, направленных на его достижение, тоже можно условно считать выходом из политически взрывоопасной ситуации конфликта. Обычно это осуществляется усилиями спецслужб по дискредитации и дезорганизации деятельности наиболее радикальных лидеров и организаций при одновременном фактическом поощрении и содей-

ствии акциям и пропаганде более умеренных деятелей, выступающих от имени той же самой этнической группы и не склонных к нелегальным методам борьбы или к применению насилия. Таким образом иногда удастся перевести массовую поддержку меньшинства, а следовательно и трансформировать характер этнического конфликта, от идей сепаратизма к лозунгам полномасштабной автономизации, а борьбу за территориальную автономию перевести в русло деятельности по возрождению родного языка и культуры и форсированному социально-экономическому развитию территорий расселения меньшинства.

Наконец, возможен и такой вариант, как **"естественное" развитие и последующее самозатухание** этнического конфликта. Как ни жестоко это звучит, но подобное неконтролируемое развитие и самоуничтожение также является реальным и достаточно часто встречающимся исходом.

Этнический конфликт, в ходе постепенной эскалации и перерастания в форму насильственного противостояния сторон, в таком случае заканчивается в результате разрушения того прежде единого полиэтнического общества, в котором он возник и развивался. Подобный исход никак нельзя считать урегулированием конфликта, и к тому же это обычно означает переход от этнического конфликта внутри прежнего полиэтнического общества к межгосударственному конфликту вновь образовавшихся государств и новых обществ. Существует два основных сценария разрушения полиэтнического общества и тем самым прекращения этнического конфликта:

- изменение территории (за счет проведения новых государственных границ, отделяющих одну из конфликтующих сторон от другой);
- изменение этнического состава населения (за счет депортации "враждебных групп", выделяемых по этно-национальному признаку).

С. 222

Очевидно, что чаще всего встречаются сочетание обоих сценариев. Такое сочетание этнических чисток и создания новых границ обеспечивает наметившееся сейчас прекращение конфликтов в Боснии и Герцеговине, и именно подобный исход наиболее вероятен для Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровской республики и многих других регионов бывшего СССР, где этнические конфликты давно уже привели к созданию новых непризнанных государств и к межгосударственным войнам.

Четвертый вариант выхода из ситуации этнического конфликта - это его **саморассыивание**, или отмирание без осуществления каких-либо изменений, на которых когда-то настаивали инициаторы конфликта. Хотя и крайне редко, но встречается и такое. Напри-

мер, в начале - середине XIX в. этно-национальное возрождение происходило у лужицких сербов, причем активность и массовость поддержки у сербо-лужицких культурных организаций Германии мало уступали таковым у соседних чехов Австро-Венгрии и существенно превосходили популярность этно-национальных движений у словенцев или словаков. Однако впоследствии движение лужицких сербов практически полностью утратило политические черты и осталось только как культурное, да и то достаточно маловлиятельное - ассимиляция немцами продолжалась, а язык и культура лужицких сербов продолжали функционировать только в семье и в частной жизни, так и не приобретя серьезных общественных функций. По крайней мере, в XX в. серьезных политических проблем в Германии оно не вызывало и не вызывает поныне. В случае же других славянских народов Центральной Европы движения культурного возрождения породили влиятельные политические партии и организации, в конечном счете приведшие к созданию ныне независимых Чехии, Словении или Словакии.

В заключение резюмируем сказанное выше о возможных вариантах выхода полиэтнического общества из ситуации этнического конфликта. Итак, из четырех таких вариантов (урегулирование, нейтрализация, неконтролируемое развитие и самоуничтожение, саморасщепление) наиболее трудноосуществим на практике первый и самый оптимальный, наименее вероятен последний, а наиболее катастрофичен по своим результатам - третий вариант. Видимо, именно нейтрализация, которую часто также называют "трансформацией" конфликта, является, с политической точки зрения, наиболее практически применимой и продуктивной стратегией. Иными словами, чаще всего речь приходится вести не о выходе из ситуации этнического

С. 223

конфликта, а лишь о попытках консервации конфликтной ситуации в политически приемлемой форме.

Примечания

- Здравомыслов А.Г. "Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания" // Социологические исследования, 1993, No 8, с. 12-21
- Чешко С.В. "Идеология распада". М.: Институт этнологии и антропологии, 1993, 260 с. /Серия "Библиотека российского этнографа/"
- Ямсков А.Н. "Межнациональные конфликты в Закавказье: предпосылки возникновения и тенденции развития" // Полис (Политические исследования), 1991а, No 2, с. 75 - 85

- Ямсков А.Н. "Нагорный Карабах: Анализ причин и путей решения межнационального конфликта" // Национальные процессы в СССР. М.: Наука, 1991b, с. 165 - 186
- Ямсков А.Н. "Этничность в межнациональных конфликтах после распада СССР" // Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ. Ежегодник. Ред.: А.Г. Здравомыслов, С.Я. Матвеева, А.Ю. Чепуренко. М.: изд. РНИСиНП, 1994, с. 54 - 77
- Coakley J. "Introduction: The Territorial Management of Ethnic Conflict" // The Territorial Management of Ethnic Conflicts. Ed.: J. Coakley. London: Frank Cass & Co.Ltd., 1993, pp.1-22
- Horowitz D. "Ethnic Groups in Conflict". Berkeley: Univ. of California Press, 1985, XIV+697 pp.
- Olzak S., Nagel J. "Introduction. Competitive Ethnic Relations: An Overview" // "Competitive Ethnic Relations". Eds.: Olzak S., Nagel J. London: Academic Press Inc., 1986, pp. 1-14
- Rothschild J. "Ethnopolitics: A Conceptual Framework". New York: Columbia Univ. Press, 1981, X+290 pp.
- Tajfel H. "Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology". Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981, XIII + 369 pp.
- Yamskov A. "Ethnic Conflict in the Transcaucasus: The Case of Nagorno-Karabakh", in: Theory and Society, 1991, vol.20, No 5, pp. 631-660
- Yamskov A. "Joint Control over Key Territories in Nagorno Karabakh", in: Security Dialogue, 1996, vol.27, No 1, pp. 95-98
- Yinger J. "Intersecting Strands in the Theoretisation of Race and Ethnic Relations" // "Theories of Race and Ethnic Relations". Eds.: Rex J., Mason D. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986, pp. 20-41